

В тот далекий летний день 22 июня 1941 года люди занимались обычными для себя делами. Школьники готовились к выпускному вечеру. Девчонки строили шалаши и играли в "дочки-матери", непоседливые мальчишки скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами. И никто не подозревал, что и приятные хлопоты, и задорные игры, и многие жизни перечеркнет одно страшное слово – война. У целого поколения, рожденного с 1928 по 1945 год, украли детство. "Дети Великой Отечественной войны" – так называют сегодняшних 59-76-летних людей. И дело здесь не только в дате рождения. Их воспитала война.

Восьмого сентября гитлеровские войска захватили город Шлиссельбург у истока Невы и окружили Ленинград с суши. Началась 871 – дневная блокада города на Неве. Единственной дорогой в осажденный город было малоизученное Ладожское озеро. Из Ленинграда по воде было эвакуировано 33 479 человек, но навигация была смертельно опасна. Частые налеты вражеской авиации и непредсказуемые осенние штормы делали каждый рейс подвигом.

Из воспоминаний Валентины Ивановны Потарайко:
"Мне было 5–6 лет. Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей тогда погибло, а кто выжил, натерпелся страха и ужаса. На Урал нас везли в товарных поездах вместе со скотом. На какой-то небольшой станции фашисты разбомбили поезд, загорелись вагоны. Все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою старшую сестру Нину осколком ранило в лицо. Из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь. Средней сестре Тамаре пули попали в ногу, мать была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину. С убитых снимали теплую одежду и обувь, а потом их сваливали в общую могилу. Я кричала: "Дядя, не надо мою маму!" Сестер увели, чтобы оказать им медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую положили на опилки. Дул сильный ветер,

**опилки
засыпали ее
раны, мама
стонала, а я
вычищала ей
раны и просила:
"Мама, не**

**умирай!" Но она умерла. Я осталась
одна".**

Война отучила этих детей плакать.

Вспоминает Валентина Ивановна: "Когда наш эшелон разбомбили второй раз, мы попали в руки немцев. Фашисты выстраивали детей отдельно, взрослых отдельно. От ужаса никто не плакал, смотрели на все стеклянными глазами. Мы четко усвоили урок: заплачешь – расстреляют. Так на наших глазах убили маленькую девочку, которая кричала без остановки. Немец вывел ее из шеренги, чтобы все видели, и пристрелил. Все поняли без переводчика – плакать нельзя". Вот так просто угасали жизни. Фашистские нелюди стреляли в детей ради забавы, чтобы посмотреть, как ребята в страхе разбегаются, или выбирали себе живую мишень, чтобы поупражняться в меткости. Ведь ребенок не может работать, пользы от него никакой, значит, можно убивать безнаказанно. Хотя в лагерях находилась работа и для детей. Например, выносить человеческий пепел из крематория и зашивать его в мешки, чтобы потом этим прахом удобрять землю. Заключение в лагерях дети были донорами крови для немецких солдат. А как цинично их "сортировали" на пригодных и непригодных к работе. Вышел ростом, дотягиваешься до нарисованной на стене барака линии - будешь служить "великой Германии", ниже необходимой отметки – отправляйся в печь. И отчаянно тянулись вверх ребята, становились на носочки, казалось, обманут, останутся в живых, но беспощадной машине рейха малыши не нужны, она пустит их в топку, чтобы наращивать и наращивать обороты.

Теряли родителей, братьев и сестер. Иногда напуганные дети по несколько дней сидели рядом с холодными телами погибших матерей, ожидая решения своей участи. В лучшем случае их ждал

советский детдом, в худшем – в фашистские застенки. Но многие боролись с фашизмом с оружием в руках, становясь сыновьями и дочерьми полков. Вспоминает Николай Пантелеевич Крыжков: "Наш детдом в Сталино эвакуировали, когда немцы уже стояли на подступах к городу.

Мне было 11 лет. Из Сталино детдомовцы помогали гнать скот. По дороге у нас забирали лошадей, коров для армии и постепенно все разбрелись кто куда. Зимой я скитался по степям, промышлял на железной дороге, так добрался до Сталинграда. Осенью 1942 года меня приютили солдаты 1095-го артиллерийского полка, накормили, отмыли, обогрели. Командир части несколько раз отправлял меня, но я снова возвращался. И тогда комбат Виктор Веприк приказал зачислить меня в штат и поставить на довольствие. Так и остался я до конца войны сыном полка 150-й Севастопольской орденов Суворова и Кутузова пушечно-артиллерийской бригады 2-й гвардейской армии, прошел от Сталинграда до Восточной Пруссии, участвовал в боях на Саур-Могиле, ходил в разведку и корректировал огонь в Севастополе, Кенигсберге, Пилау. В Белоруссии под Шауляем был ранен осколками снаряда и направлен в парковый взвод. Пришел туда – немецкий автомат через плечо, два диска к нему в вещмешке лежат, в рукавичках – гранаты, под рубашкой "Парабеллум" спрятан. Вот такое было у меня вооружение". Николай Пантелеевич удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, медалей "За боевые заслуги", "За взятие Кенигсберга", благодарности командира за взятие Севастополя. В наградном листе отмечено, что Коля Крыжков выполнял обязанности разведчика-артиллериста, выявлял цели противника, приходил из разведки невредимым и с ценными сведениями, которые помогали выполнять боевые задания. А ведь в 1945 году ему исполнилось лишь 14 лет. До войны Николай Пантелеевич закончил всего 3 класса, и снова пошел в вечернюю школу уже в 25-летнем возрасте. Был заместителем начальника группы "Поиск", собирал материалы для "Книги Памяти". Сейчас хотел бы поехать в Москву на встречу с ветеранами 2-й гвардейской

армии, но проездные дают только по территории Украины.

Детство поглотила война, юность – послевоенная разруха и голод. "Нас постоянно перебрасывали из одного детдома в другой, – рассказывает

Валентина Ивановна, - Володинский, Усольский, Касибский Два года – 1946-1947 гг. я не знала вкуса хлеба. Во время этого ужасного голода норма была такой: завтрак и ужин – по 100 граммов хлеба, обед – 200. Но и эти крохи всегда отбирали ребята посильнее. Я ела только кашу и суп, заправленный ложкой рыбьего жира. Детдомовцы часами стояли в магазинах и ждали, когда продавец даст им горсточку хлебных крошек, которые оставались после нарезки".

Именно эти дети во время войны восстанавливали разрушенное хозяйство, в 12 лет становясь у станков на заводах и фабриках, работая на стройках. Воспитанные трудом и доблестью, они рано выросли, заменяя погибших родителей своим братьям и сестрам.

Воспоминания Полины Пастуховой, внучки Мячева А.А., преподавателя информатики МУК-21

Мой дедушка родился в городе Томске в 1937 году. В 1938 году он переехал в Челябинск, так как его отца направили на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), где он работал механиком-технологом. После начала войны на ЧТЗ стали выпускать танки. В феврале 1941 года его направили в Москву в Народный комиссариат (Наркомат) боеприпасов, где он курировал вопросы разработки и производства бесствольной реактивной артиллерии, названной в армии "катюшей". Катюша в ВОВ являлась самым мощным и грозным оружием массового уничтожения живой силы противника. Неоднократно отец дедушки направлялся на различные участки фронта, где повышал эффективность использования катюш. Он был награжден медалями и орденами. После войны вывозил из Германии и Польши электромашиностроительное оборудование для производства бесствольной реактивной артиллерии, включая ракеты типа ФАУ-2. В 1942 году мой дедушка переехал в Москву, в частности в

день последней бомбежки Москвы немецкой авиацией.

У моего дедушки были три брата, мать Ольга Николаевна и ее мать. Моя прабабушка работала на секретном военном заводе, филиале электромеханического завода им. Кирова С.М., где выпускали боеприпасы, в том числе реактивные снаряды для катюш. Мой дедушка вместе с братьями часто недоедали, собирали на подмосковных полях остатки картофеля, капустные кочерыжки, потому что недостаточно было продуктов, выдаваемых по карточкам.. Нередко ели лабьи из очисток картофеля. Кусковой сахар был большой редкостью. Уже в детстве дедушка научился хорошо кататься на снегурочках, которые приворачивал веревками к валенкам. На коньках он ездил за машинами, которые перевозили картошку. Он собирал в заплечную сумку картошку, которая иногда высыпалась из машин.

В 1944 году дедушка пошел в школу, где он хорошо учился, особенно был силен в арифметике. Часто помогал решать (когда учился в первом классе) задачи даже ученикам четвертого класса, за что иногда получал от их родителей продукты, главным образом изюм. В Москве дедушка жил сначала в Нагатинском районе, затем в районе Третьяковской галереи. В 1945 году его перевели в школу №12 (в Старомонетном переулке), где учились дети видных военнослужащих советской Армии, в том числе Героя Советского Союза М. Громова. Класс у дедушки был очень дружным и спортивным. Очень часто (почти ежегодно) класс отмечал окончание школы в 1954 году. Недавно класс отметил 50-летие окончания школы.

В настоящее время дедушка работает преподавателем информатики в Межшкольном учебном комбинате №21 "Коньково", где уделяет большое внимание патриотическому воспитанию учащихся, главным образом при работе над проектами, посвященным великой Победе под Москвой в 1941 году, вкладу советских ученых в Победу в ВОВ. Эти проекты отмечены дипломами второй степени Департамента Образования г.Москвы

Воспоминания Командровского В.Г., предподавателя МУК-21, о Великой Отечественной Войне

Попросили меня написать кое-что на тему «Дети войны». Почему? Причастен ли я к этой теме? И да, и нет. Война началась для меня и моих родителей уже 21 июня 1941 года, так как отец был пограничник, в субботу с нами попрощался и уехал на границу, а жили мы в пограничном городке. Мама и я (мне 9 лет) успели сесть в эшелон. В пути примерно с месяц до Москвы было все: и бомбежки, и мертвые, и на глазах убиваемые люди, ... Эвакуированы были на Урал, где были свои лишения из-за неустроенности и голодовки. Правда, в школе кормили детей каким-то подобием обеда. После Победы в школах тоже подкармливали: давали кусочек черного хлеба 5см*5см, смазанный повидлом. Как мама сводила концы с концами, непонятно. Вы знаете, что такое «затируха»? В кипящую воду бросается сколько-то жменек муки, перемешивается, еда готова. Изо дня в день, но не всегда 3 раза. Но с голоду я не опухал. Не сравнить с детьми, которых привозили из осажденного Ленинграда. Из поездов выносили и умерших в пути от истощения... И родители у меня были живы, в детдоме я не был. Хотя в интернате с октября 44-го до Победы был. Что папа жив, мы узнали лишь в декабре 41-го. Из газеты, где были напечатаны списки награжденных боевыми орденами и медалями. Были и другие лишения во время войны и в первые годы после. Долгое время мне и многим моим сотоварищам хотелось просто наесться хлеба. Но все это не те лишения и ужасы, что перенесли многие дети, потерявшие родителей, бывшие в оккупации или угнанные в фашистскую неволю.

Мои родственники из Донбасса были угнаны в Германию – мальчик 12 лет и девочка, точнее девушка 16 лет. Мальчик так и сгинул в Неметчине, ничего неизвестно о нем. А девочка (Собина) – это целая история. Дело в том, что Собина, рабыня по-существу, чем-то не угодила немке-хозяйке и та ее отправила в лагерь Майданек на уничтожение. Но так как девушка была немного

образована по медицине, то ее оставили при лагерной больнице. Ее будущий муж, Тадеуш был участником польского Сопротивления, за ним охотилось гестапо.

Взяли в заложники его отца и брата и предупредили мать, что их повесят, если Тадеуш не сдастся. Но Тадеуш со многими другими поляками попал в облаву, и его отправили в Майданек на уничтожение. А отца и брата при народе, согнанном на центральную площадь Кракова, в том числе и при матери, повесили. После этого мать тронулась рассудком. В лагере Тадеуш через короткое время оказался в гряде очереди на сожжение. Об этом он уже плохо соображал, т.к. весил около 48 кг при росте за 180 см и обычном весе под 100. В лагере действовало подполье, Тадеуша переправили в больницу. Там Собина его выходила, они полюбили друг друга, после освобождения поженились. Были они в гостях у нас, и мы были у них по приглашению. Хотелось бы отметить вот что. Дети остаются во многом детьми даже в тяжелейших условиях.

У них своя психология, без прогноза на будущее. Одержимость игрой, приключением, любопытством, легкостью вступления в эти области. В этом плане дети, особенно мальчишки, пацаны, чокнутые. Подай им романтику. А война, вот она с ее возможностями отличиться, проявить геройство, подчас пустое бахвальство, проявить себя как личность, хотя и неосознанно, подсознательно. Сейчас тоже много для этого соблазнов, среда и средства СМИ весьма этому способствуют. Дети же не понимают, что от баловства до преступления, до ужаса, горя и прочих несчастий один шаг, порой чуть-чуть... Итак, все пацаны чокнутые. Каждый по-своему и, в то же время, как-то все одинаково.

Если где-то кто-то начинает чем-то самозабвенно увлекаться, то через некоторое время эпидемия охватывает всех мальчишек. И никакая сила, угроза, лупка отцами, проклятья и стенания матерей здесь бессильны. Вспомните игры в военные и послевоенные годы в ножички, расшибалочку, чиру, альчики. Последняя больше относится к Средней Азии – высушенные,

залитые свинцом и раскрашенные бараньи коленные чашечки. В каждом краю большого Союза свои названия. Так, например, одна игра, не помню названия – подбивание тыльной стороной стопы распушенного клона шкуры барана с прикрепленным снизу кусочком свинца доводила виртуозов до жесточайшей паховой грыжи. А заливка свинцом альчиков? Сама заливка - ладно, хотя тоже требует “литейного” мастерства. А вот добыча сырья, т.е. свинца. Это было не так-то просто в тылу, далеко от фронта. Однако наличие сформированного в 42-м погранотряда, в котором были кадровые пограничники, в том числе и фронтовики, для борьбы с басмачами и способствовало добыче свинца из только-только отсвистевших – в прямом смысле – после выстрелов пуль. А именно: пацаны проникали тайком на стрельбище на территории погранотряда до начала очередных стрельб, прятались сзади досок с мишенями и ждали выстрелов. Пули, пробивая доски, падали на землю или оседали в нетолстом бруствере. Их надо было успеть схватить или выковырять сейчас же, еще горячие, угадав, услышав удар или увидев осыпавшиеся комочки земли, ее фонтанчик, из-за конкуренции и до того как стрелявшие пойдут смотреть результаты! Все обошлось без ЧП. То ли успел схлынуть ажиотаж игры, нужда в свинце пропала, то ли на стрельбище стало не попасть. А может отвлекла Аму-Дарья, протекавшая метрах в трехстах от стрельбища, своенравная, менявшая свои глинистые берега, подмывая их, обрушивая и меняя русло. Весной она разливалась, а схлынув, оставляла глинистую жижу и довольно большие лужи. В них удобно было учиться плавать: они не глубокие, можно всегда ощутить дно, опуская вертикально одну ногу и нет-нет да и поднимая ее, вырабатывая способность держаться на плаву и плыть. Но этого нам мало! Если сесть в жижу и энергично елозить взад-вперед, то понемногу тебя начнет засасывать. Уловили? Конечно: кто “засосется” глубже! Сознательно, так сказать! Однажды это кончилось тем, что кто-то из ребят сообразил рвануть в погранотряд, и прибежавшие с лопатами солдаты успели откопать героя. Так что глины он съел немного. Сами мы справиться с засосом уже не могли.

...Мой дядя, комиссар авиаполка, выходя в 41-м из окружения, захлебнулся в болоте на глазах у пытавшегося его вытащить механика... Итак, с водой шутки плохи. До войны, под Минском, где стоял погранотряд отца, трое, накануне своего первого класса, соорудили плот. Так, несколько как-то сбитых досок. И катались на нем в маленьком, но глубоком, зараза, пруду, полном жирных противных пиявок. Они не знали тогда, что эти твари-пиявки теперь “панацея” от всех болезней. Пруд находился в глухом углу огороженного высоким забором сада погранотряда. Несколько раз переворачивались и вымокали, но все как-то у берега, не удавалось спускать удачно плот, уж больно крут был спуск. Перевернись они на середине, погибли бы, так как плавать не умели, а кричи, не кричи – никто не услышит. В конце концов бросили этот пруд и решили перейти на более широкие акватории: посреди городка была побольше Миргородской лужа с приятными для глаза берегами и не в глухом мрачном месте, о котором среди пацанов ходили всякие слухи. Вы ночью на кладбище ходили? А-а, то-то и оно! Теперь представьте. В зимних пальто и шапках они гребут. Чем кончилось? Первый раз они заявили домой все мокрые и грязные хуже той миргородской свиньи. Благо отцы были на службе: матери быстро с них все содрали, куда-то запихнули, их вымыли и быстро уложили в кровати, якобы давно спят. Удивительно, откуда отцы все знали? Профессия, наверно, виновата. Лупка минула на сей раз. Если таковая и бывала, то довольно условная: что там раз-другой по ... ремешком? Больше шуму и крику от матери: ”Хватит! Он больше не будет!”. Через пару дней история повторилась. Они не дотянули сколько-то кабельтовых до другого берега и пошли по домам до ниточки мокрые. Дальше без исторических подробностей... Во всяком случае, матери защищать таких поганцев и не смели. Все вышесказанное принадлежит классу “бездумной, дурной храбрости”, как попытки самоутвердиться, не отстать от других и т.п., которой не двигали идейные что-ли порывы. Настал черед храбрости, пардон - чокнутости, осознанной. Тяга к оружию, взрываю, огню...

Приморский город-порт. Через него проходила линия фронта.

Была и Малая земля. Кое-что о ней можно прочитать и в трилогии, написанной якобы Леонидом Ильичем. После освобождения города в сентябре 43-го толпы пацанов ринулись на эту землю. Чего там только не было! Чуть копни, достанешь и порох артиллерийский, и патроны, и гранату, и мину, а подчас и автомат, винтовку... Запалы от гранат хранились в домашних тайниках у многих. В "дело" шло все, даже пустые гильзы от артснарядов: их набивали порохом, поджигали – непредсказуемо прыгающая в разные стороны ракета вызывала дикий восторг, хотя некоторым иногда и доставалось по ногам очень здорово... Увечных ребят хватало. Тот без пальцев, другой без руки или ноги, третий с изъеденным как у шахтера, но от пороха, искареженным лицом. Смотрит только сбоку, а говорит – сюсюкает как тот вор-карманник "Кирпич" (артист Сададьский, кажется) из к/ф "Место встречи изменить нельзя". В седьмом классе мой сосед по парте, знаток Ильфа и Петрова, был без глаза и весь начинен мелкими осколками. Они из него со временем выходили; на уроках он их выковыривал из своих рук ручкой с пером 86-го номера. Как говорили, он пошутил: выстрелил в землю, попал в мину, которая впереди идущего товарища разнесла, а его изрешетила осколками.

Шуточки у этого великого комбинатора были еще те! По воскресеньям ватаги пацанов шли на Малую землю. Однажды наш Остап пришел пораньше, занял позицию и, когда появились ребята, открыл огонь. Держал их прижавшихся к земле долго. Пока кто-то не догадался швырнуть в него гранату. Остап закричал: "Мир, ребята! Мир! Победила молодость и сила!". Мир так мир. После чего его поколотили. Так утверждают товарищи, а им надо верить. Гранаты нужны были и для ловли рыбы. Чтобы граната взорвалась на определенной глубине, теоретически так сказать "оптимальной" с точки зрения целевой функции – максимума оглушенной рыбы, гранату надо было бросать с задержкой на сколько-то секунд, подбираемых экспертным путем. Идея ясна? Вот это уже осознанная храбрость, осознанный риск. И удовольствие, и польза: есть тогда страшно хотелось, да и рыбу можно было загнать по дешевке. Вообще ловля рыбы жуткая страсть. Во время массового хода какой-либо рыбы пацанов дома или на уроках в школе (кроме, конечно, слабачков) не удержать. Обычно они спешили на мол: хочешь – уди в

открытом море, а нет – повернись на 180, так в бухте. За какой-то час можно наловить под сотню. Да-да! Хотя какой рыбак удержится от преувеличения? Ловили на леску, без удилица, на которой было несколько крючков с грузилом. Искусство состояло вытащить леску с рыбами на всех крючках. Клюнуло, ждешь, пока еще клюнет, еще ждешь... Передержишь, сорвутся первые или съедят наживку... Для друга один из уходов с уроков кончился плачевно: крючок при вытаскивании лески здорово вошел в палец. Перепиливать крючок не хотелось, было жаль. Пошли в санчасть погранотряда, часовой пропустил, так как знал в лицо. Доктор выслушал о желательности сохранения крючка и нежелательности оперирования пальца, подумал. Потом отвлек чем-то внимание пациента и рванул... Вопль был дикий, слезы брызнули, но крючок был сохранен. Друг был благодарен, ибо понимал, что «кровь на руках хирурга надо отличать от крови на руках палача».

Говорят, что характер человека начинает формироваться чуть ли не с утробы матери к годам 5, 10 по разным оценкам. То есть в детском возрасте. И среда здесь оказывает заметное влияние. Продолжим о храбрости. Глубоко осознанной, не выпячиваемой, определяющей поступок человека.

Мне кажется, что личность ребенка и его как вообще человека на всю жизнь особо формируют окружающие его личности. Патриотизм в войну был высок. Июль 41-го, я с мамой добрались с границы эшаломом до Москвы, где были мамины родные брат, мой дядя, и сестра, моя тетя. Немцы на окраине Москвы. Создается срочно народное ополчение, мой дядя – плановик Электролампового завода, тоже идет. Мы все его провожаем. Но... он белобилетник: близорук – очкарик, больное сердце. Ему говорят: "Куда ты идешь, Иосиф? Кому нужны такие вояки?". Жена, тетя Маруся, плачет. Он отвечает: "Вы знаете, товарищи идут, мне неудобно остаться. Как я потом им или их близким в глаза смотреть буду?!". Под Вязьмой почти все погибли. Иначе и быть не могло, чудес не бывает. И где могила его, неизвестно. Понятно? А в семнадцать лет – на фронт, на смерть! Двоюродный брат, только окончил школу в том же проклятом 41-ом, уговорил военкома (да и другие мальчишки из его класса), пошел на фронт. Все. Также могила неизвестна. В 44-м другому моему двоюродному

брату Володе еще не стукнуло 18-ть – ушел на фронт из Харьковского авиационного института. Говорит, что надоело голодать, в армии хоть хлеба или каши дадут много (?). Но это он так, бравировал. Отец его погиб в начале войны, я о нем выше говорил: комиссар авиаполка, другие близкие погибли, мой папа на фронте. Прислал Володя из Будапешта фото, где он с орденом Славы на груди. Служил в разведке. Живет в

Киеве, я поздравил его в очередной раз с Победой. Уже ходит с палочкой – раненая нога не слушается. Частенько лежит в госпитале из-за ранения головы, дали первую группу инвалидности. Но бодрится, кое-что не воспринимает в нынешнем времени.

Воспоминания Виноградской И.А., преподавателя МУК-21, о маме

Моя мама, Солодова Нина Васильевна, 1927 г. рождения. Когда началась война ей было 14 лет, семья жила в Москве. В конце сентября 1941г. отец ушёл на фронт и погиб в битве под Москвой. Брата направили в военное училище, а потом на фронт. Дома остались бабушка, мама и её младшая сестра. До войны семья привыкла жить очень хорошо, в доме всегда был достаток. Нужно было начинать новую жизнь. Бабушка хорошо шила и вязала, поэтому она устроилась на фабрику, где шили шинели. Дети были дома одни, вели хозяйство, сэкономили каждую мелочь, старались повкусней накормить маму вечером. Но это продолжалось недолго. Хлеба на иждивенческие карточки выдавали в два раза меньше, чем на рабочие. Все ценные вещи были обменены на муку и картошку.

Дети, моя мама и её сестра Валентина, решили пойти работать. Мама устроилась на обувную фабрику, где до войны работал её отец, а сестра шила с бабушкой шинели. Фабрика, где работала мама, выпускала не только сапоги, но и противогазы, мама их собирала.

Все, в том числе и дети, работали по 12 часов, а потом возвращались в холодный дом. В "буржуйку" была пущена мебель, книги, иногда удавалось добыть сломанные бочки от

краски и топить ими печку. С дровами иногда помогал старший брат отца Степан Ильич. Им уже не нужны были три комнаты. Жили в одной, самой маленькой комнате, спали вместе, в одной кровати, так теплее, комната была полутёмная, поэтому легче было соблюдать светомаскировку. После работы ели хлеб, мороженную картошку, пили чай из морковки. Даже очистки от картошки не выбрасовали, а использовали для приготовления аладьев.

При такой работе и плохом питании у мамы развилась анемия. Чтобы выжили дети, бабушка по ночам начала вязать кофты и обменивать их в деревне на продукты питания. Она вязала также и носки для солдат на фронте, это пришлось вынести женщине, которая никогда сама не работала, занимаясь только семьёй, и имела до войны няню и домработницу.

Несмотря на все трудности, жизнь не стояла на месте. Было в ней и много радости. Юнность и молодость брали своё. Мама очень любила слушать спектакли в Большом театре, сильное на неё впечатление произвела опера Чайковского "Евгений Онегин", которую она прослушала за время войны 6 раз. За билеты платили хлебными карточками, но ради Ленского, можно было и поголодать. До войны все дети в семье учились музыке, мама неплохо играла на гитаре, хорошо пела. Себя она представляла в роли Татьяны. Помогали выжить и не упасть духом и фильмы: "Небесный тихоход", "Воздушный извозчик", "В шесть часов вечера после войны", "Парень из нашего города" и конечно, "Свинарка и пастух". Усталые и голодные в холодном кинотеатре молоденькие девушки завидовали чужой экранной любви и верности. Ждали своей любви. У мамы она пришла в 17 лет и осталась на всю жизнь.

В конце войны отменили продуктовые карточки, появились комерческие магазины, где за деньги можно было купить продукты. На всё, конечно не хватало, но хлеба можно было поесть вдоволь. Маме очень запомнился Парад Победы. Они с бабушкой плакали с утра, не могли нарадоваться тому, что всё позади, что остался живым брат – танкист, три раза горевший в танке, воевавший под Прохоровкой, что начинается новая жизнь без войны.

Воспоминания Приградова М.Е., преподавателя МУК-21, о военном детстве

Мне много лет и побывать пришлось во многих местах от Америки до Китая. Доводилось пробовать разные деликатесы. Однако, ничто не смогло превзойти воспоминание детства. Самое потрясающее

блюдо – это пшенная каша.

Во время ВОВ мы жили в Москве возле Красных ворот. Дедушка был парализован, бабушка – инвалид, а мне в 1942 году мне было 8 лет. Жили в 2-этажном деревянном домике. Кругом стояли такие же 1- или 2-этажные дома, рубленые, обшитые досками и когда-то аккуратно покрашенные.

В 1942 году в Москве было голодно и холодно. Дров не было. По ночам с домов обдирали доски обшивки. Когда и они кончились, стали опиливать бревна с углов. В доме сожгли все, что могло гореть. Из мебели (когда-то дорогой) остались только железные кровати, да огромный дубовый стол на рояльных ножках. В постоянном холоде было жутко обидно смотреть на этот стол – у нас не было сил ни распилить его, ни отрубить хотя бы кусочек.

На инвалидные карточки прожить было трудно. Пенсии 240 рублей. Ели лебеду, которую тоже надо было покупать (на рынке она стоила тогда 20 руб. за килограмм, а буханка черного хлеба – 600 руб.).

На Новый Год бабушка исхитрилась купить картофельных очисток, наскребла с них сколько могла картошки и сделала нам с дедом по лепешечке – это был настоящий праздник! Сама она съела шелуху, тяжело отравилась и ее на месяц увезли в больницу.

А потом нас разыскал дедушкин ученик, ставший большим начальником. Он очень переживал, увидев нашу бедственную жизнь. И через день прислал полуторку (были такие грузовички), а на ней была ЖИЗНЬ: полкузова березовых дров и мешочек

пшена килограмм на десять. И было еще одно, совсем уже невероятное чудо – килограмм сливочного масла. Его следовало перетопить для сохранности. С вытопками из этого масла бабушка приготовила пшенную кашу – самую потрясающую еду в мире.

Дети блокадного Ленинграда

Александр Фадеев в путевых заметках "В дни блокады" писал: "Дети школьного возраста могут гордиться тем, что они отстояли Ленинград вместе со своими отцами, матерями, старшими братьями и сестрами. Великий труд охраны и спасения города, обслуживания и спасения семьи выпал на долю ленинградских мальчиков и девочек. Они потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолетов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом... И они были равными в том поединке благородства, когда старшие старались незаметно отдать свою долю младшим, а младшие делали то же самое по отношению к старшим. И трудно понять, кого погибло больше в этом поединке".

Когда замкнулось блокадное кольцо, в Ленинграде оставалось помимо взрослого населения 400 тысяч детей – от младенцев до школьников и подростков. Естественно, их хотели сберечь в первую очередь, стремились укрыть от обстрелов, от бомбежек. Всесторонняя забота о детях и в тех условиях была характерной чертой ленинградцев. И она же давала особую силу взрослым, поднимала их на труд и на бой, потому что спасти детей можно было только отстояв город.

У них было особое, опаленное войной, блокадное детство. Они росли в условиях голода и холода, под свист и разрывы снарядов и бомб. Это был свой мир, с особыми трудностями и радостями, с собственной шкалой ценностей. Откройте сегодня монографию "Рисуют дети блокады". Шурик Игнатъев, трех с половиной лет от роду, 23 мая 1942 года в детском саду покрыл свой листок беспорядочными карандашными каракулями с небольшим овалом в центре. «Что ты нарисовал!» – спросила

воспитательница. Он ответил: "Это война, вот и все, а посередине булка. Больше не знаю ничего". Они были такими же блокадниками, как взрослые». И погибали так же.

Единственной транспортной магистралью, связывающей город с тыловыми районами страны, стала "Дорога жизни", проложенная через Ладожское озеро. За дни блокады по этой дороге с сентября 1941 года по ноябрь 1943 года удалось эвакуировать 1 миллион 376 тысяч ленинградцев, в основном женщин, детей и стариков. Война разбросала их по разным уголкам Союза, по-разному сложились их судьбы, многие не вернулись обратно.

Вспоминая об этих невыносимо тяжелых днях, ленинградка Кена Петровна Черная не могла сдержать слезы. "Мне было всего четыре года, – говорила она, – когда началась война, я помню как пыталась спрятаться под столом во время артобстрелов и бомбежек и ждала маму, а мама приходила и говорила: "Хлеба нет, машину с хлебом разбомбили". И так каждый день. А в апреле 1942 года нам объявили эвакуацию на "Большую землю". Все проходило строго по законам военного времени. Нас сопровождали люди с оружием. Не допускалась никакая демократия. С собой не разрешалось брать никаких вещей, кроме кружки, ложки и документов.

По льду Ладожского озера мы ехали в кузове грузовой автомашины. Вокруг, куда не помотришь, до самого горизонта простирались снежные поля. Сильный ветер с мокрыми хлопьями снега пронизывал почти насквозь. Мы – дети прижимались к родителям, так было чуть-чуть теплее. Затем ехали на поезде в товарных вагонах, спали на нарах, на соломе. Питались чем придется, жмых считался деликатесом. Иногда удавалось раздобыть дрова и тогда топили печку, но тепла хватало ненадолго. Я заболела. А по правилам движения, заболевших, чтобы не распространять инфекцию, переводили в вагон-лазарет. Мама надела мне чулки, капор и понесла в этот вагон. Я помню ее дыхание, она дышала на меня, пытаюсь передать мне свое тепло, чтоб я не умерла.

Вагон-лазарет оказался обыкновенным товарным вагоном,

посреди которого зияло отверстие для нужд, а на соломе лежали умирающие люди. "Нет! Я не оставлю ее здесь", – сказала мама и вернулась на свое место, села у вагонной двери и всю дорогу держала меня на руках. Недалеко от Тюмени ленинградцев выгрузили. Все мы думали, что здесь дождемся конца войны и поедem обратно

домой. Весна вступала в свои права, оживала природа, появилась первая зелень, в том числе крапива и лебеда, которую мы тогда употребляли в пищу. А потом пришел пароход-колесник с длинной почерневшей трубой. Всех ленинградцев погрузили на пароход и повезли на север по течению реки Иртыш. На каждой пристани строго по списку высаживали группу эвакуированных на временное поселение. Нас человек 30 высадили под Ханты-Мансийском, на диком берегу, где стояла единственная избушка бакенщика, а вдали виднелось село. Нас поселили в церкви этого села. Некоторое время жили среди икон, спали на соломе, что-то жгли, чтобы разогнать комаров. Когда спала большая вода, нашу группу рассредоточили по деревням, родители начали работать, стало намного легче".

Существование в осажденном городе было невысказимо без упорного, повседневного труда. Тружениками были и дети. Они ухитрялись так распределять силы, что их хватало не только на семейные, но и на общественные дела. Пионеры разносили почту по домам. Когда во дворе звучал горн, надо было спускаться за письмом. Они пилили дрова и носили воду семьям красноармейцев. Чинили белье для раненых и выступали перед ними в госпиталях. Город не мог уберечь детей от недоедания, от истощения, но тем не менее для них делалось все, что возможно.

Несмотря на суровую обстановку фронтного города, Ленинградский городской комитет партии и Городской Совет депутатов трудящихся приняли решение продолжать обучение детей. В конце октября 1941 г. 60 тыс. школьников 1-4 классов приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели еще более 30 тыс. учащихся 1-4 классов.

В условиях осажденного Ленинграда необходимо было связать

обучение с обороной города, научить учащихся преодолевать трудности и лишения, которые возникали на каждом шагу и росли с каждым днем. И ленинградская школа с честью справилась с этой трудной задачей. Занятия проходили в необычной обстановке. Нередко во время урока раздавался вой сирены, возвещавшей об очередной бомбежке или артобстреле. Ученики быстро и организованно спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались. Учителя имели два плана уроков на день: один для работы в нормальных условиях, другой – на случай артобстрела или бомбежки. Обучение проходило по сокращенному учебному плану, в который были включены только основные предметы. Каждый учитель стремился проводить занятия с учащимися как можно доступнее, интереснее, содержательнее. "К урокам готовлюсь по-новому, – писала осенью 1941 г. в своем дневнике учительница истории 239-й школы К.В. Ползикова – Ничего лишнего, скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь им в классе. Не ведем никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя".

Учиться в жестоких условиях зимы стало подвигом. Учителя и ученики сами добывали топливо, возили на санках воду, следили за чистотой в школе. В школах стало необычайно тихо, дети перестали бегать и шуметь на переменах, их бледные и изможденные лица говорили о тяжелых страданиях. Урок продолжался 20-25 мин.: больше не выдерживали ни учителя, ни школьники. Записей не вели, так как в не отапливаемых классах мерзли не только худые детские ручонки, но и замерзали чернила. Рассказывая об этом забываемом времени, ученики 7-го класса 148-й школы писали в своем коллективном дневнике: "Температура 2-3 градуса ниже нуля. Тусклый зимний, свет робко пробивается сквозь единственное небольшое стекло в единственном окне. Ученики жмутся к раскрытой дверке печурки, ежатся от холода, который резкой морозной струей рвется из-под щелей дверей, пробегает по всему телу. Настойчивый и злой ветер гонит дым обратно, с улицы через примитивный дымоход прямо в комнату... Глаза слезятся, читать

тяжело, а писать совершенно невозможно. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже в головных уборах... " Учеников, продолжавших заниматься в суровую зиму 1941-1942 г., с уважением называли «зимовщиками».

К скудному хлебному пайку дети получали в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки. С началом действия Ладожской ледовой трассы десятки тысяч школьников были эвакуированы из города. Наступил 1942 г. В школах, где не прекращались занятия, были объявлены каникулы. И в незабываемые январские дни, когда всё взрослое население города голодало, в школах, театрах, концертных залах для детей были организованы новогодние елки с подарками и сытным обедом. Для маленьких ленинградцев это было настоящим большим праздником.

Одна из учениц писала об этой новогодней елке: "6 января. Сегодня была елка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: все думала об обеде. Обед был замечательный. Дети ели медленно и сосредоточенно, не теряя ни крошки. Они знали цену хлебу, на обед дали суп-лапшу, кашу, хлеб и желе, все были очень довольны. Эта елка надолго останется в памяти". Были и новогодние подарки, о них так вспоминал участник блокады П.П. Данилов: "Из содержимого подарка мне запомнились конфеты из льняного жмыха, пряник и 2 мандарина. По тому времени это было очень хорошее угощение".

Для учащихся 7-10-х классов елки были устроены в помещениях театра драмы им. Пушкина, Большом драматическом и Малом оперном театрах. Сюрпризом было то, что во всех театрах было электрическое освещение. Играли духовые оркестры. В театре драмы им. Пушкина был дан спектакль "Дворянское гнездо", в Большом драматическом – "Три мушкетера". В Малом оперном театре праздник открылся спектаклем "Овод".

А весной у школьников началась "огородная жизнь". Весной 1942 года в опустевшие, обезлюдевшие цехи предприятий пришли тысячи детей и подростков. В 12-15 лет они становились станочниками и сборщиками, выпускали автоматы и пулеметы, артиллерийские и реактивные снаряды. Чтобы они могли работать за станками и сборочными верстаками, для них изготавливали деревянные подставки. Когда в канун прорыва

блокады на предприятия стали приезжать делегации из фронтовых частей, бывалые солдаты глотали слезы, глядя на плакатики над рабочими местами мальчишек и девчонок. Там было написано их руками: "Не уйду, пока не выполню норму!"

Сотни юных ленинградцев были награждены орденами, тысячи – медалями «За оборону Ленинграда». Через всю многомесячную эпопею героической обороны города они прошли как достойные соратники взрослых. Не было таких событий, кампаний и дел, в которых они не участвовали. Расчистка чердаков, борьба с "зажигалками", тушение пожаров, разборка завалов, очистка города от снега, уход за ранеными, выращивание овощей и картофеля, работа по выпуску оружия и боеприпасов – всюду действовали детские руки. На равных, с чувством исполненного долга встречались ленинградские мальчики и девочки со своими сверстниками – "сыновьями полков", получившими награды на полях сражений.

Сын полка

Началась блокада Ленинграда, Толе Рябкову было 13 лет. К ноябрю месяцу 1941 г. с улиц исчезли кошки и собаки. Мать с сестрой еще кое-как держались, а я уже тогда слег. Сам не мог вставать с кровати и точно бы умер, не окажись рядом воинская часть. Как и множество других детей войны, Толика Рябкова от неминуемой смерти спасли солдаты. 15 декабря 1941 года 96-й артиллерийский полк взял его на довольствие. Голодный паренек попал на полковую кухню. Там Анатолий Рябков провел полторы недели, а потом со словами "Чего я, даром хлеб, что ли, ем" сам попросился в красноармейцы.

В артиллерийском полку сразу же нашлось место для маленького солдата. Анатолий попал в отряд связистов. Сперва он просто сидел на коммутаторе и соединял телефонные провода. По детскому голосу офицеры все время принимали мальчика за девушку, пытались познакомиться и интересовались, какого цвета у телефонистки глаза. Потом старшие товарищи показали, как нужно соединять порванные провода на поле боя. Так как взвод связи каждый день нес огромные потери, Анатолия послали

на передовую. 23 февраля 1942 года 13-летний Толик Рябков принял присягу, стал красноармейцем и получил табельное оружие.

Вскоре красноармеец Толя Рябков получил неожиданный сюрприз. На войне он встретился с собственным папой. Оказалось, что командир полка, к которому его приписали, воевал вместе с его отцом в "зимнюю войну". Вместе они брали

Выборг. Вот и решил офицер сделать приятное боевому другу – отправил сына своего полка служить под его начало.

До новой части Рябков добирался пешком, с собой тащил и оружие, и противогаз. Без него тогда, кстати, пройти было просто невозможно – как без паспорта. Отца Анатолий встретил только через несколько дней. Он тоже очень удивился, но домой мальчика не отправил. Так они и отслужили еще год. Потом отца перевели под Москву, позже он участвовал в освобождении Одессы и Моздока. Отвоевал всю войну и закончил ее в Будапеште, там его серьезно ранили. Для Анатолия же война закончилась в 1943-м. Как раз тогда вышел приказ о зачислении всех сынов полка в Суворовские училища. Идти туда он не захотел. Вернулся домой, но в нормальную школу сумел отходить всего недели две. По счастливому стечению обстоятельств, попал юнгой в Кронштадт. Там и служил до 1955 года.

Воспоминания сына полка Александра Колесникова

В марте 1943 года мы с другом сбежали со школьных уроков и отправились на фронт. Нам удалось забраться в товарный поезд в вагон с прессованным сеном. Казалось, все складывается благополучно, но на одной из станций нас обнаружили и отправили обратно в Москву. На обратном пути я снова удрал на фронт – к отцу, служившему заместителем командира механизированного корпуса. Где я только не был, сколько дорог пришлось пройти пешком, проехать на попутных машинах... Однажды в Нежине случайно встретил раненого танкиста из части отца. Выяснилось, что батюшка получил от мамы известие о моем "героическом" поступке и пообещал устроить мне при встрече отменную "лупку".

Последнее существенно изменило мои планы. Недолго думая, я

пристроился к танкистам, которые направлялись на переформирование в тыл. Рассказал им, что отец у меня тоже танкист, что маму потерял во время эвакуации, что остался совсем один... Мне поверили, приняли в часть сыном полка – в 50-й полк 11-го танкового корпуса. Так в 12 лет я стал солдатом.

Дважды ходил на разведку во вражеский тыл, причем оба раза с заданием справился. Правда, в первый раз чуть не выдал нашего радиста, которому нес новый комплект электрических батарей для радиостанции. Встреча была назначена на кладбище. Позывной – утиное кряканье. Получилось так, что на кладбище я добрался ночью. Картина ужасающая: все могилы разворочены снарядами... Вероятно, больше от страха, чем исходя из реальной ситуации, начал крякать. Раскрякался так усердно, что не заметил, как сзади подполз наш радист и, зажав мне рот ладонью, прошептал: "Сдурел, парень? Где же это видано, чтобы утки ночью крякали?! Спят они по ночам!" Тем не менее, задание было выполнено. После удачных походов по вражеским тылам меня с уважением называли не иначе, как Сан Санычем.

В июне 1944 года 1-й Белорусский фронт начал подготовку к наступлению. Меня вызвали в разведотдел корпуса и представили летчику-подполковнику. Воздушный ас рассмотрел меня с большим сомнением. Начальник разведки перехватил его взгляд и заверил, что Сан Санычу вполне можно доверять, что я уже давно "стреляный воробей". Летчик-подполковник был немногословен. Гитлеровцы под Минском готовят мощный оборонительный заслон. По железной дороге к фронту непрерывно перебрасывают технику. Разгрузку осуществляют где-то в лесу, на замаскированной железнодорожной ветке в 60-70 километрах от линии фронта. Эту ветку необходимо уничтожить. Но сделать это вовсе не просто. Парашютисты разведчики с задания не вернулись. Авиационная разведка также не может засечь эту ветку: маскировка выполнена безукоризненно. Задача – в течение трех дней найти секретную железнодорожную ветку и обозначить место ее расположения, развесив на деревьях старое постельное белье.

Меня переодели во все гражданское, дали тюк постельного белья. Получился подросток-беспризорник, меняющий белье на продукты. Линию фронта перешел ночью с группой разведчиков.

У них было свое задание, и вскоре мы расстались. Пробирался лесом вдоль основной железной дороги. Каждые 300-400 метров парные фашистские патрули. Изрядно вымотавшись, днем задремал и чуть не попался. Очнулся от сильного пинка. Два полицаи обыскали меня, перетрясли весь тюк белья. Обнаруженные несколько картошин, кусок хлеба и сало тут же отобрали. Захватили и пару наволочек и полотенце с белорусской вышивкой. На прощанье "благословили":
– Убирайся, пока не пристрелили!

Тем и отделался. К счастью, полицаи не выворачивали мои карманы наизнанку. Тогда бы была беда: на подкладке кармана моей куртки была напечатана топографическая карта с расположением железнодорожных станций... На третий день я наткнулся на тела парашютистов, о которых говорил летчик-подполковник. Герои-разведчики погибли в явно неравном бою. Вскоре путь мне преградила колючая проволока. Началась запретная зона! Несколько километров пробирался вдоль проволоки, пока не вышел к основной железнодорожной магистрали. Повезло: военный эшелон, загруженный танками, медленно свернул с основного пути и скрылся между деревьями. Вот она, загадочная ветка!

Гитлеровцы замаскировали ее отменно. Более того, эшелон двигался "хвостом" вперед! Паровоз был расположен позади состава. Таким образом создавалось впечатление, что паровоз дымит на основной магистрали. Ночью я забрался на верхушку дерева, растущего у стыка железнодорожной ветки с основной магистралью и развесил там первую простыню. К рассвету вывесил постельное белье еще в трех местах. Последнюю точку обозначил собственной рубашкой, привязав ее за рукава. Теперь она развевалась на ветру, как флаг. На дереве просидел до утра. Было очень страшно, но больше всего я боялся заснуть и прозевать самолет-разведчик. "Лавочкин-5" появился в срок. Фашисты его не трогали, чтобы не выдать себя. Самолет долго кружил поодаль, затем прошел надо мной, развернулся в сторону фронта и помахал крылышками. Это был условный сигнал: "Ветка засечена, уходи – будем бомбить! "

Отвязал рубашку и спустился на землю. Отойдя всего километра на два, услышал гул наших бомбардировщиков, и вскоре там, где

проходила секретная ветка врага, полыхнули разрывы. Эхо их канонады сопровождало меня весь первый день пути к линии фронта. На следующий день вышел к реке Случь. Подсобных плавсредств, чтобы переплыть реку, не было. К тому же на противоположной стороне виднелась сторожка вражеской охраны. Примерно в километре к северу просматривался старый деревянный мост с единственной железнодорожной колеёй. Решил переехать через него на немецком поезде: прицеплюсь где-нибудь на тормозной площадке. Так я уже делал несколько раз. И на мосту, и вдоль железной дороги стояли часовые. Я решил попытать счастья на разъезде, где поезда останавливаются, пропуская встречных. Полз, прячась за кустами, по пути подкрепляясь земляникой. И вдруг прямо передо мной – сапог! Подумал, что это немец. Стал отползать назад, но тут услышал приглушенный доклад:

– Еще один эшелон проходит, товарищ капитан!

От сердца отлегло. Я потянул капитана за сапог, чем не на шутку напугал его. Мы узнали друг друга: вместе переходили линию фронта. По осунувшимся лицам я понял, что разведчики находятся у моста уже не один день, но ничего не могут поделать, чтобы уничтожить эту переправу. Подошедший эшелон был необычным: вагоны опломбированы, охрана эсэсовская. Не иначе как боеприпасы везут! Состав остановился, пропуская встречный санитарный поезд. Автоматчики из охраны эшелона с боеприпасами дружно перешли на противоположную от нас сторону – взглянуть, нет ли знакомых среди раненых.

И тут меня осенило! Выхватил взрывчатку из рук бойца и, не дожидаясь разрешения, бросился к насыпи. Подлез под вагон, чиркнул спичкой... Тут вагонные колеса двинулись с места, с подножки свесился кованый сапог эсэсовца. Вылезти из-под вагона невозможно... Как же быть? Открыл на ходу угольный ящик "собачник" – и залез туда вместе с взрывчаткой. Когда колеса глухо застучали по настилу моста, снова чиркнул спичкой и запалил бикфордов шнур. До взрыва остались считанные секунды. Смотрю на горящий запальный шнур и думаю: ведь меня сейчас в куски разорвет! Выпрыгнул из ящика, проскочил между часовыми, и с моста – в воду! Нырять раз за разом, поплыл по течению. Выстрелы часовых с моста перекликались с

автоматными очередями эшелонных эсэсовцев. И тут рванула моя взрывчатка. Вагоны с боеприпасами стали рваться, как по цепочке. Огненный смерч поглотил и мост, и поезд, и охрану.

Как я ни старался отплыть подальше, меня настиг и подобрал катер фашистской охраны. К тому моменту, когда он причалил к берегу недалеко от сторожки, я уже потерял сознание от побоев.

Озверевшие гитлеровцы меня распяли: руки и ноги прибили гвоздями к стене у входа. Спасли меня наши разведчики. Они увидели, что я уцелел от взрыва, но попал в руки охраны.

Внезапно атаковав сторожку, красноармейцы отбили меня у немцев. Очнулся под печкой сожженного белорусского села.

Узнал, что разведчики сняли меня со стены, завернули в плащ-палатку и понесли на руках к линии фронта. По пути наткнулись на вражескую засаду. Многие погибли в скоротечной схватке.

Раненый сержант подхватил меня и вынес из этого пекла.

Спрятал меня и, оставив мне свой автомат, пошел за водой, чтобы обработать мои раны. Вернуться ему было не суждено...

Сколько времени я пробыл в своем укрытии, не знаю. Терял сознание, приходил в себя, опять проваливался в небытие. Вдруг слышу: идут танки, по звуку – наши. Закричал, но при таком грохоте гусениц меня, естественно, никто не услышал. От перенапряжения в очередной раз потерял сознание. Когда очнулся, услышал русскую речь. А вдруг полицаи? Лишь убедившись, что это свои, позвал на помощь. Меня вытащили из-под печки и сразу отправили в медсанбат. Потом был фронтовой госпиталь, санитарный поезд и, наконец, госпиталь в далеком Новосибирске. В этом госпитале провалялся почти пять месяцев. Так и не долечившись, сбежал с выписывающимися танкистами, уговорив няню-бабушку принести мне старую одежонку, чтобы "погулять по городу".

Полк свой догнал уже в Польше, под Варшавой. Меня определили в танковый экипаж. Во время переправы через Вислу наш экипаж принял ледяную купель. От попадания снаряда паром крепко качнуло, и Т-34 нырнул на дно. Башенный люк, несмотря на усилия ребят, под давлением воды не открывался. Вода медленно заполняла танк. Вскоре она дошла мне до горла... Наконец люк удалось открыть. Ребята вытолкнули меня на поверхность первым. Потом они по очереди ныряли в ледяную

воду, чтобы зацепить трос за крюки. Затонувшую машину с большим трудом вытащили две сцепленные "тридцатьчетверки".

Во время этого приключения на пароме я встретился с летчиком-подполковником, который когда-то отправлял меня на поиск секретной железнодорожной ветки. Как он обрадовался:

– Я тебя полгода разыскиваю! Слово дал: если живой, обязательно найду! Танкисты отпустили меня в авиаполк на сутки. Познакомился с летчиками, которые разбомбили ту секретную ветку. Меня задарили шоколадом, покатали на У-2. Потом весь авиаполк построился, и мне торжественно вручили орден Славы III степени.

На Зееловских высотах 16 апреля 1945 года мне довелось подбить гитлеровский "тигр". На перекрестке два танка сошлись лоб в лоб. Я был за наводчика, выстрелил первым подкалиберным снарядом и попал "тигру" под башню. Тяжеленный броневой "колпак" отлетел, как легкий мячик. В тот же день подбили и наш танк. Экипаж, к счастью, уцелел полностью. Мы сменили машину и продолжили участие в боях. Из этого, второго по счету танка, в живых осталось лишь трое...

К 29 апреля я уже был в пятом танке. Из его экипажа спасли лишь меня одного. Фаустпатрон разорвался в моторной части нашей боевой машины. Я находился на месте наводчика. Механик-водитель схватил меня за ноги и выкинул через передний люк. После этого начал выбираться сам. Но не хватило буквально не скольких секунд: начали рваться снаряды боеукладки, и механик-водитель погиб. Очнулся в госпитале 8 мая. Госпиталь находился в Карлсхорсте напротив здания, где подписывали Акт о капитуляции Германии. Этот день не забыть никому из нас. Раненые не обращали внимания ни на врачей, ни на медсестер, ни на собственные раны – прыгали, плясали, обнимали друг друга. Уложив на простынь, меня подтащили к окну, чтобы показать, как после подписания капитуляции выходит маршал Жуков. Позже вывели Кейтеля с его понурой свитой.

В Москву вернулся летом 1945 года. Долго не решался войти в свой дом на Беговой улице... Я не писал маме более двух лет, опасаясь, что она заберет меня с фронта. Ничего так не боялся, как этой встречи с ней. Понимал, сколько горя принес я ей!..

Вошел бесшумно, как научили меня ходить в разведке. Но материнская интуиция оказалась тоньше – она резко обернулась, вскинула голову и долго-долго, не отрываясь, смотрела на меня, на мою гимнастерку, награды...

– Куришь? – наконец спросила она.

– Ага! – соврал я, чтобы скрыть смущение и не выдать слез.

Через много лет я побывал на том месте, где был взорван мост, разыскал сторожку на берегу. Она вся разрушена – одни развалины. Прошелся вокруг, осмотрел новый мост. Ничто не напоминало о страшной трагедии, разыгравшейся здесь в годы войны.

Из книги Хорькова Гелия Ивановича "Морские были":

Тринадцатилетний капитан

К сентябрю 1943 года, когда наши войска готовились к разгрому противника на Таманском полуострове, гитлеровцы создали в районе Новороссийска мощный оборонительный рубеж, получивший название Голубая линия. Фашисты считали его неприступным. Вот тогда-то и родился у командования 18-й армией и Черноморским флотом замысел высадки морского десанта в самый центр вражеской обороны – Новороссийский порт.

В то время развалины города и побережье вокруг Цемесской бухты представляли собой сплошной укрепленный район. Подходы к порту простреливались многослойным артиллерийским и минометным огнем, берег был опоясан проволочными заграждениями и защищен минными полями. Поэтому необходимо было ворваться внутрь порта и высадить десантников прямо на полуразрушенные молы и причалы, хотя и на них противник установил многочисленные, хорошо защищенные огневые точки.

Первый бросок десанта, перед которым ставилась задача захватить участки высадки для основных сил и уничтожить вблизи них огневые точки и заграждения, было решено провести с торпедных катеров, как наиболее быстроходных и способных на большой скорости преодолеть простреливаемые участки. Одним из таких катеров был и ТКА-93, которым командовал лейтенант А. Черцов.

В экипаже этого катера был тринадцатилетний юнга В. Лялин. К этому времени он уже неплохо изучил устройство катера, подготовку к работе и запуск моторов. В море его брали только в тех случаях, когда катер выполнял относительно безопасные задания. Сейчас же катеру предстояло идти на серьезное и опасное дело. Потому, как ни просил юнга командира взять его в поход, Черцов категорически отказал ему.

В ночь на 11 сентября ТКА-93 вместе с другими катерами ворвался в захваченную врагом бухту. Под шквальным огнем он выстрелил торпеды по расположенным на причале огневым точкам. Мощным взрывом некоторые из них были буквально сметены в воду. По оставшимся в живых гитлеровцам бил из пулемета боцман катера старшина 2-й статьи И. Панин. И хотя над катером свистели пули и осколки снарядов, Черцов уверенно подошел к намеченному месту и высадил десантников первого броска.

Увидев, что они начали продвигаться в глубь порта, он развернул катер и, как это было предусмотрено планом, полным ходом вышел из бухты и помчался в Геленджик за второй партией десанта. Приняв на борт двадцать пять человек и погрузив несколько десятков ящиков с патронами и гранатами, командир повел катер обратно. Когда ТКА-93 подошел к порту, начало светать. К тому же противник подтянул к порту артиллерию, минометы и их огнем создал почти сплошную огневую завесу. Не мешкая, бросая катер из стороны в сторону, меняя скорость, Черцов пошел на прорыв. И почти сразу в катер попал снаряд, осколками которого вывело из строя один мотор. Скорость катера уменьшилась... И в это время командир увидел юнгу. Оказалось, что, когда катер принимал вторую группу десантников, Валерий вместе с ними проскользнул на корабль. Ощувив удар снаряда по катеру и снижение скорости, он оставил свое убежище, в котором просидел все время перехода из Геленджика.

Перекрикивая грохот стрельбы и рев работающего на предельных оборотах второго мотора, Черцов приказал юнге спуститься в моторный отсек и передал туда, чтобы его посадили на палубу между моторами. Это было сейчас наиболее безопасное место. Катер уже входил в порт, когда по его корпусу застучали

осколки разорвавшихся рядом снарядов. На этот раз появились раненые. Безжизненно повис на ограждении турели пулемета боцман Панин, упал, зажимая рану рукой, стоявший в рубке рядом с командиром механик катера главный старшина Н. Ченчик. Через мгновение обмяк и навалился на штурвал раненый Черцов. Начали падать обороты работавшего мотора.

Снова рядом с бортом взорвалось несколько мин, выпущенных из многоствольного миномета. Мотор заглох... Катер безжизненно закачался на расходящихся от взрывов волнах, продолжая медленно по инерции двигаться к защитному молу. " Дойдет или нет? " – думал, едва не теряя сознание от боли и потери крови, Черцов. Прошла минута, две или пять?.. И вдруг он услышал из открытого в моторный отсек люка мальчишеский голос:

– Товарищ командир! Починили правый мотор! Разрешите заводить?...

– Давай, юнга, – почти прошептал Черцов.

Раздался хлопок из выхлопной трубы, и катер задрожал от работы мотора. Черцов включил скорость. Катер понемногу набирал ход. Вскоре он ударился обо что-то днищем и остановился. Десантники прыгнули в воду и, поднимая над головами автоматы, ящики с патронами и гранатами, двинулись к берегу.

А в это время мотористы матросы Н. Кузнецов и И. Шаманский, стоя по колено в воде, заделывали пробоины в моторном отсеке. Когда на катере не осталось ни одного десантника, Черцов дал задний ход. Облегченный катер сошел с мели. Черцов развернул его, стремясь скорее отойти от берега. В это время рядом с катером раздался взрыв, Черцова сильно ударило в спину, и он упал рядом со штурвалом, потеряв сознание. Повинуясь переложенному при падении командира рулю, катер начал описывать циркуляцию, а вокруг него вставали всплески от взрывов снарядов и мин, прорезали воздух пули, посвистывали осколки. Скорость падала. Чувствуя неладное, раненый Кузнецов, борясь с поступающей в моторный отсек водой, крикнул Лялину:

– Юнга, быстро в рубку, посмотри, что там!

Валерий выбрался из моторного отсека, перебрался через искореженную взрывами обшивку ограждения и втиснулся в

рубку. Здесь он увидел лежащих в крови командира катера и механика. Юнга потянулся к штурвалу. Встав на ящик с боцманским имуществом, он увидел в ветровое стекло и защитный мол, от которого они только что отошли, и освещаемую взрывами и прожекторами бухту, и всполохи стрельбы на берегу. Увидел развороченный взрывом нос катера и молчавшие пулеметы. Катер казался мертвым... Валерий сжал обеими руками штурвал и, напрягаясь всем телом, начал его вращать, стремясь прекратить циркуляцию и лечь на курс в море. Полузалитый водой катер с трудом подчинялся детским рукам. И все же юнге удалось увести катер от берега.

В море качка усилилась. Через пробоину в носу захлестывала вода. Катер кренило. В носовой отсек бросился радист матрос В. Полич, стремясь хоть чем-то заделать пробоину. Но вода продолжала заливать катер. Все тяжелее, с надрывами работал мотор, постепенно падали его обороты. Руки Валерия дрожали от усталости. Управлять катером становилось все труднее. Когда впереди показался мыс, за которым был вход в Геленджикскую бухту, из моторного отсека высунулся Кузнецов и хрипло выдохнул:

– Давай, юнга, правь к берегу, мотор заливает, не дойдем!

Лялин и сам чувствовал, что катер все глубже садится в воду, что вот-вот он может пойти ко дну. И он направил его к ближайшему мыску.

Мотор остановился, когда берег был совсем рядом. Через несколько минут волнами прибоя катер выбросило на каменистую отмель. В рубку протиснулся Полич и со словами "Ну все, кажется, дошли!" бросился к лежавшему без сознания командиру. Из моторного отсека вылез Шаманский, помогая выбраться на палубу Кузнецову. Оставив штурвал, Валерий стал трясти за плечи Черцова.

– Где мы? – спросил очнувшийся командир.

– Рядом с базой, товарищ командир, все в порядке, – ответил Полич.

– Кто вывел катер из-под огня?

– Он, товарищ командир, Валерий! – Полич обернулся к Лялину и подозвал его. Увидев юнгу, Черцов попытался улыбнуться и тихо произнес:

– Спасибо, тринадцатилетний капитан!

Вместе с отцом

Шли последние недели обороны Севастополя в июне 1942 года. В те дни в осажденный город пробивались только одиночные боевые корабли. Последними из них были эсминец «Безупречный» и лидер «Ташкент». Командовал «Безупречным» капитан 3 ранга П. Буряк. Вместе с ним на корабле юнгой плавал и его сын Володя, еще не достигший призывного возраста. По боевому расписанию он был одним из номеров расчета зенитного пулемета, расположенного на крыле ходового мостика.

25 июня эсминец принимал груз у причала Новороссийского порта. Накануне у Володи поднялась температура, и корабельный врач прописал ему постельный режим. А так как Володя не входил в штат экипажа корабля, а в Новороссийске жила его мать, врач отправил его лечиться домой. Утром Володя вспомнил, что забыл сказать напарнику по расчету, куда положил одну из запасных деталей пулемета, которая могла понадобиться в бою. Вскочив с постели, он побежал на корабль.

Моряки эсминца понимали, что этот поход мог быть последним, так как пробиваться в Севастополь с каждым днем становилось все труднее. Некоторые из них оставляли на берегу письма и памятные вещи с просьбой переслать их родным, если эсминец из похода не вернется. Услышав об этом, Володя решил остаться на корабле. Когда перед выходом прозвучал сигнал сниматься со швартовов и отец поднялся на ходовой мостик, он увидел Володю. – Почему ты здесь? Быстро беги домой, мать волнуется, – строго сказал он сыну.

– Отец, – ответил Володя, – некоторые матросы говорят, что корабль не вернется из похода. Если я уйду, то все поверят в это...

Никто не знает, что подумал в тот момент отец, но он подошел к сыну, обнял его, потрепал по волосам, а потом, легонько оттолкнув, занял свое место у машинного телеграфа и приказал отдавать швартовы. Володя, как всегда, встал у своего пулемета... Рано утром 26 июня «Безупречный» атаквали вражеские самолеты. Одна атака сменялась другой. Зенитчики эсминца сбили два самолета, но одна из бомб попала в корабль. Эсминец снизил скорость. Новая атака... Володя не отходит от пулемета.

Огненные трассы тянутся то к одному, то к другому вражескому стервятнику. Не снимает рук с машинных телеграфов отец. Корабль то несется вперед, рассекая грудью лазурную поверхность моря, то, сотрясая корму грохотом винтов, останавливается. Еще одна бомба попала в корабль, несколько других взорвались рядом с бортом. «Безупречный» потерял ход. Его корма начала медленно уходить под воду. По приказу командира корабль покидали сначала пехотинцы, затем члены экипажа. Люди прыгали в воду и старались быстрее отплыть от тонувшего корабля. Над ними с ревом носились вражеские самолеты. А с кренящегося корабля по самолетам били пушки и пулеметы, стремясь прикрыть людей от атак с воздуха. До последней секунды бил пулемет и с крыла ходового мостика, а у телеграфов уже замолчавших машин неподвижно стоял командир. Капитан 3 ранга П. Буряк и его сын Володя погибли, не покинув своего боевого поста...

Прошло два года. Моряки Днепровской флотилии вместе с войсками фронта вели бои на берегах Днепра, Десны, небольшой речушки Пины, недалеко от устья которой расположен город Пинск. В состав бронекатеров флотилии входил и БКА-92, на котором юнгой плавал четырнадцатилетний Олег Ольховский. Его отец, старший лейтенант П. Ольховский, служил механиком отряда катеров.

В ночь на 12 июля 1944 года группа бронекатеров скрытно поднялась вверх по реке, пересекла линию фронта и, неожиданно появившись в районе Пинского порта, высадила десант моряков. Десантники с боем начали продвигаться к городу, а катера поддерживали их артиллерийским и пулеметным огнем. Враг подтянул к берегу артиллерию. Все чаще снаряды стали рваться рядом с бронекатерами. От попадания одного из них на БКА-92 вспыхнул пожар. Тяжело был ранен командир бронекатера лейтенант И. Чернозубов. Командование катером принял старший лейтенант П. Ольховский. Через несколько минут осколком очередного разорвавшегося рядом с катером снаряда был убит рулевой. П. Ольховский сам встал за штурвал и начал выводить катер из зоны обстрела вражеских орудий. Снова раздался грохот взрыва. На этот раз снаряд попал в артиллерийскую башню. Через несколько секунд был смертельно

ранен в грудь П. Ольховский.

Его сын, находившийся до этого в машинном отделении, по непонятному поведению катера почувствовал неладное и пробрался в рубку. Здесь он и увидел лежавшего на палубе отца.

Тот был уже мертв... Из развороченной артиллерийским снарядом башни шел легкий дымок. Молчал зенитный пулемет – убитый пулеметчик лежал рядом. Никого не было видно и в турели. Вероятно, фашисты решили, что на катере не осталось живых, и прекратили по нему огонь.

И вдруг ожил турельный спаренный пулемет. Это Олег Ольховский длинными очередями расстреливал выскакивавших на берег гитлеровцев. Враг вновь начал обстреливать катер из артиллерийских орудий и пулеметов, опять запели над его палубой осколки. Один за другим вонзались снаряды и пули в катер. В нескольких местах вспыхнуло пламя. Тушить его было некому. Качаясь на волнах, поднимаемых взрывами, БКА-92 медленно приближался к берегу, занятому фашистами. А пулемет стрелял и стрелял... Стрелял до тех пор, пока один из снарядов не попал в турель... ..Как памятник юному герою, как воспоминание о том бое, по днепровским плесам плавает теплоход «Олег Ольховский». Хочется верить, что когда-нибудь и в море мы встретим морское судно, на борту которого прочтем «Володя Буряк».

Суворовские военные училища

В 1943 году согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации" стали формироваться государственные образовательные учреждения среднего (полного) общего образования с дополнительными программами по военной подготовке. В постановлении говорилось, что училища создаются "для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов..." Это было одним из проявлений отеческой заботы партии и правительства о детях славных защитников Советской страны.

В честь великого русского полководца генералиссимуса А. Суворова они были названы суворовскими и создавались по типу кадетских корпусов России XIII-XIX веков. А.В. Суворов вошел в историю и боевую летопись нашего Отечества как гениальный военный мыслитель и великий полководец, снискавший себе славу непобедимого. Присвоение этого имени училищам означало, что в них должны воспитываться юноши, призванные наследовать славные боевые традиции своих героических отцов, которые на полях сражений Великой Отечественной войны по-суворовски били врага. Было использовано многое не только из структуры кадетских корпусов, учебных программ (включая обучение воспитанников бальным танцам, правилам офицерского этикета), методики преподавания, но и из многовековых традиций, в том числе – форма одежды.

Эти училища, со сроком обучения 7 лет и закрытым пансионом, имели целью подготовить воспитанников к будущей военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование. Наркомату обороны в течение октября и ноября предписывалось сформировать девять Суворовских училищ: Краснодарское (в Майкопе), Новочеркасское, Сталинградское (Астрахань), Воронежское, Харьковское (в Чугуеве), Курское, Орловское (в Ельце), Калининское и Ставропольское. Тогда же были созданы специальные училища для детей пограничников (в Ташкенте и Кутаиси) и мальчишек из семей моряков: Тбилисское, Рижское и Ленинградское нахимовские училища. Брали туда в первую очередь сирот. Однако хватало мест и для ребят из полных семей. Например, из 505 мальчишек первого набора Московского училища (оно тогда стояло в Горьком) у 236 отцы погибли на фронте, у 165 – еще воевали; 19 оказались сыновьями инвалидов войны, 13 – сыновьями партизан; 72 паренька были приведены родителями. И лишь 29 мальчишкам Суворовское училище заменило отца и мать. Своеобразные привилегии при наборе сохраняются до сих пор.

Ребята прибывали в училища из разных районов страны. Многие из них производили крайне тяжелое впечатление: были худые, изможденные, в заплатах брюках и рубашонках, стоптанных ботинках, смотрели испуганно, передвигались медленно, с какой-то осторожностью. Они знали, что такое холод, голод, жестокость

врага. На глазах некоторых из них погибли родители, близкие, да и сами они не раз подвергались смертельной опасности. Веселее, увереннее выглядели мальчишки, которые прибывали в училища непосредственно с фронтов. С первых минут пребывания в училищах все они вызывали у своих сверстников восхищение и добрую зависть.

В декабре 1943 года каждому училищу от имени Президиума Верховного Совета СССР торжественно вручалось Красное знамя. Это символ воинской чести, доблести и славы напоминает военнослужащему о его священном долге преданно служить Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни. И суворовцы, глядя на Красное знамя, также ощущали принадлежность к Вооруженным Силам. Они понимали, что должны быть достойны своих отцов, сражавшихся под такими знаменами. День вручения Красного знамени стал для личного состава каждого училища большим праздником. Он считался торжественным днем рождения.

Училища начали жить по строго установленным правилам. Распорядок дня, как в воинской части: подъем по сигналу, физзарядка, утренний осмотр, завтрак, занятия. И так до отбоя, все в определенные часы. Основное внимание с самого начала уделялось учебе. Суворовцы изучали те же общеобразовательные предметы, что и в школе, но, кроме того, с ними проводились занятия по военной подготовке. Во внеклассное время – игры на свежем воздухе, занятия спортом, а также дополнительные занятия по общеобразовательным предметам для восполнения пробелов у некоторых суворовцев за предыдущие классы.

Преподаватели и офицеры-воспитатели понимали, что, строя жизнь ребят по воинскому образцу, нельзя тем не менее в училище насаждать казарменный дух. Для этих мальчишек, большинство из которых потеряло родителей, надо было создать обстановку, в которой они чувствовали бы себя как дома.

Офицеры и педагоги с первого дня стремились сочетать воинскую требовательность с отеческой заботой о детях: задушевно беседовали с ними, рассказывали о своем участии в

боях. Каждый день суворовцы слушали сводки Совинформбюро, толпились у карты, отмечая флажками продвижение наших войск, читали вслух приходящее с переднего края письма. Случалось, что письма приносили печальную весть: погиб отец или брат суворовца...

Шла война, и суворовцы посильным трудом стремились оказать помощь фронту. Так, в 1944 году воспитанники Свердловского суворовского военного училища заработали 100 тысяч рублей. Они внесли их на строительство самолета «Юный суворовец». Значительный взнос в фонд обороны сделал и личный состав Киевского суворовского военного училища. Возрождению кадетских традиций способствовало и то, что в постоянный состав училищ было направлено немало офицеров, которые до октября 1917 года окончили кадетские корпуса или служили в них.

Первые суворовские училища являлись, по сути, школами-интернатами, в которые на полное содержание и обучение брали детей, родители которых погибли во время войны. Училища стали для них поистине родным домом, а работавшие в них офицеры и преподаватели – родителями. Сегодня суворовских и аналогичных учебных учреждений только в структуре Минобороны России практически столько же, сколько и в середине прошлого века (19 и 16 соответственно). А всего в силовых ведомствах и муниципальных образованиях функционирует более 80 училищ, кадетских корпусов, школ, классов и колледжей. Примечательно, что почти все московские кадетские корпуса (а их уже 11) созданы выпускниками суворовских военных училищ.